

LITRU.RU

21-31 декабря 1976 г.

ПУТЬ ЛЮБВИ
21-31 декабря 1976 г

1. 65. аводхи бхуле ко дхар лаве

Тот близок мне на самом деле,
Кто может странника вернуть домой.
И только дома будет жизни наслаждение,
И только дома есть слиянье и покой:
Зачем тогда, забыв свой дом,
Я буду странствовать по лесу?
И если брахма мне поможет правду отыскать,
я только там найду и рабство и освобождение.
Тот близок мне на самом деле.
Кто может в Бога погрузиться глубоко;

[Читать полный вариант книги](#)

Чей ум, при созерцании Его, спокойно исчезает.
Тот близок мне, кто Бога знает.
Кто может утонуть в Его великой, совершенной Правде
Во время погружения в себя;
Кто может спеть мелодию бесконечности,
соединив любовь и отречение в жизни.
Только дом —
Кабир сказал —
непреходящ;
И только дом реален;
Только дом поможет достичь Его тем,
кто действительно ищет.
Поэтому оставайтесь там, где вы есть,
и тогда все придет само.

1. 76. Санто, соходж самадхи бхали

О садху! Лучшее всего просто единение
С тех пор, как своего я Господина встретил.
Любви веселью не было конца.
Не закрываю я глаза.
Ушей не затыкаю, не подавляю тела я страстей;
На все смотрю открытыми глазами и улыбаюсь.
Его я вижу красоту везде:
Тогда произношу Его я имя,
И все, что вижу я, напоминает мне о Нем:
Все, что я делаю, я делаю Ему.
Восход, закат, все стало для меня неразделимо;
Противоречия ушли. Куда бы я ни шел, он рядом.
Чего бы ни достиг, все становится Ему служением:

*Когда ложусь, к Его ногам я простираюсь.
Его я только обожаю, и больше нет такого никого.
Язык мой потерял несовершенство слов,
Он день и ночь теперь поет Его великолепье.
Встаю ли я, сажусь ли, мне не забыть Его;
Пока ритм музыки Его звучит в моих ушах.*

*Кабир сказал:
Мое сердце в безумии, я открыл в себе душу, что была долго скрыта.
Я утонул в этом неповторимом огромном блаженстве,
для которого нет уже ни радости, ни боли.*

РЕЛИГИЯ очень редко бывает здоровой — только когда по земле ходил Будда, Христос, или Кришна, или Кабир. В другое время религия была патологией, болезнью, неврозом. И тот, кто понял смысл религии и пережил через свое собственное бытие, имеет о ней совершенно иное представление. А понимание тех, кто имитировал других — это не понимание вообще. Истину нельзя изобразить. Вы не найдете себя, сделав из себя копию.

Истина неподдельна, и чтобы ее достичь, вы должны стать неподдельными сами. Истина не достигается подражанием другим, истина достигается через понимание вашей собственной жизни. Истина — это не вера, это не убеждение, истина—это глубочайшая сердцевина вашего существа, скрытая и проявляющаяся как любовь. Истина не подчиняется логике; это не силлогизм, это огонь любви.

И когда в вас возгорается истина, у вас возникает совершенно новый взгляд на жизнь, на Бога, на религию. В ваших глазах появляется новое качество — необычайная призрачность, чистота. А когда ваш ум затянут облаками мыслей, заимствованных у других, то, что бы вы ни называли религией, религией не будет, это будет просто сон.

И это главное отличие позволяет назвать подражающего человека патологически больным. Христианство — это патология, индуизм — тоже. Кришна же здоров, совершенно здоров; так же и Христос. Когда Христос что-то говорит, он знает это. Он не повторяет что-то, сказанное другими, он не попугай. Это его собственная реализация — и это меняет все.

Став христианином, вы копируете Христа. И так постепенно вы становитесь больше похожими на тень. Вы расстаетесь со своим существом... вы расстаетесь с собой. Вы перестаете быть подлинным, настоящим, истинным. Христианин — уже умерший человек, но теперь нужна религия, способная возродить. Да, это будет такое же распятие: старое должно умереть, чтобы родилось новое.

Но, следуя мертвым верованиям, догмам, церквям, вы никогда не позволите старому умереть — и никогда не позволите новому родиться. Вы никогда не рискуете, вы не хотите подвергаться опасности. Когда Христос идет навстречу своему собственному бытию, он идет навстречу опасности: он идет на огромный риск, он идет в неизвестное. Всего лишь прошлым вечером я посвящал одного молодого человека в саньясу и сказал ему начать поиск неведомого. Он сказал: «Но зачем? И почему? Как я могу искать неведомое? То, чего я не знаю, как я могу это искать?» Мы ищем обычно только известное. Но если вы ищете только в известном, вы никогда не познаете Бога — потому что Бог для вас — неизвестное. Если вы ищете в известном, вы будете ходить по кругу, это превратится в рутину. Вы станете механизмом. Ищите неизвестное, потому что только через поиск неизвестного вы сможете выйти из рутины, из неизменного, механичного способа жизни. И он тоже прав. Он сказал: «Как искать то, что неизвестно?»

Избавьтесь от известного, не держитесь за известное и ждите неизвестного. Если вы не цепляетесь за известное, если вы отставите известное в сторону, неизвестное придет само по себе. Неизвестное ждет у двери, но вы настолько переполнены известным, что для неизвестного не остается никакого места. Неизвестное очень хотело бы стать гостем, но ваш приют признает только известное. Приют настолько занят известным, приют не имеет даже времени, чтобы взглянуть на неизвестное.

Да, могу понять его вопрос: «Как искать то, что неизвестно?» — потому что, что бы вы ни искали, будет поиском известного. Ум не может искать неизвестное, и поэтому он становится преградой на пути к неизвестному. Ум может искать только в известном, снова, снова и снова. Ум цикличен.

Вот в чем состоит вся медитация: путь, искусство потери ума — хотя бы на несколько секунд — чтобы вы могли взглянуть на неизвестное, еще не поняв, куда вы идете. Но это самые прекрасные секунды, когда вы не знаете, куда едете, когда вы не знаете, кто вы, когда вы не видите направления, цели, когда самого знания нет. И там, где нет знания, появляется любовь. Знания против любви. Знающие люди не могут любить... а люди, которые могут любить, никогда не бывают знающими. Любовь делает вас мудрыми, но вовсе не знающими. Знания делают вас хитрыми и изворотливыми, но вовсе не способными любить.

Известное — это ум, неизвестное — это Бог. И Иисус сказал: «Бог есть любовь». Любовь приходит из неизвестного, с неизвестным, как часть неизвестного. Чтобы пойти в неизвестное, человеку нужно мужество, огромное мужество. Чтобы держаться за известное, никакого мужества не нужно: любой трус может это делать, только трусы это и делают.

Когда вы становитесь христианином, вы трус; когда вы становитесь мусульманином, вы трус; когда вы становитесь индуистом, вы трус. И э когда вы становитесь религиозным, у вас появляется огромное мужество — вы идете на приключения, вы идете в неизвестное, вы движетесь в невыразимое, неопределенное и неопределимое. У вас есть все шансы, что вы потеряете всякий контроль, вы можете сойти с ума. Вот цена, которую человек должен заплатить за настоящую религию.

Люди боятся, и поэтому они хватаются за самые маленькие заменители: христианство, индуизм, ислам — все это поддельные заменители, дешевые, легко доступные. Вам не нужно ничего делать: вы полились в определенной семье и стали христианином, а родившись в другой семье—стали индуистом. Вы ничего для этого не делали, вы не выбрали ничего сознательно, вы не сделали ни шагу. Не было никакого странствия, вы не искали.

Естественно, что тогда религия может быть только ярлыком, и эти ярлыки приводят к патологии. Почему они приводят к патологии? Потому что ваша внутренняя реальность остается чем-то одним, а ярлык — чем-то другим. Взгляните глубже в индуиста, в мусульманина, в христианина, в джайна или в буддиста, и вы обнаружите, что различны только ярлыки, а глубоко внутри то же самое человеческое существо. А эти ярлыки только создают проблемы.

В Библии говорится: «Возлюбите врагов своих», в то время как вы не можете возлюбить даже своих друзей. Вы не можете возлюбить даже себя. А Иисус говорит: «Возлюби ближнего своего как самого себя». А вы не можете возлюбить даже себя; как же вы можете любить ближнего? Иисус говорит: «Возлюби врага своего», а вы еще даже не умеете любить своего возлюбленного. Вы не знаете любви.

Тогда что вы будете делать? Вы будете притворяться, вы станете лицемером, вы станете лживым существом. Возникнет патология: вы станете раздвоенными. В своей глубине вы будете кем-то одним, а на поверхности вы будете постоянно притворяться кем-то еще. Глубоко внутри будете полны слез, а на вашем лице будет улыбка. Это расщепит вас пополам. Вот что такое

психозы, вот что такое раздвоение личности. Вот причина всех неврозов.

Поэтому религии стали патологичными, стали притворством. Религия делает мир патологичным, невротичным. Став вашим собственным опытом, религия принесет вам полное выздоровление, хорошее самочувствие, радость жизни и счастье.

Эти две разновидности религии нужно научиться хорошо различать. Если ваша религия только лишь заимствована, она принесет в вашу жизнь проблемы, потому что она будет противоречить жизни. Каждую минуту вы будете ощущать, что она противоречит жизни. Вы станете пессимистом, она заставит вас стать мазохистом, вы начнете себя истязать... потому что вы всегда будете обнаруживать, что ваша религия вам противоречит. Так что же делать? Вы будете чувствовать себя виновным, каждое мгновение вашей жизни станет мгновением греха, что бы вы ни делали. Даже если вы просто сели и невинно выпили чашечку чая, найдутся религии, которые заставят вас почувствовать вину.

В ашраме махатмы Ганди чай был запрещен. Если кого-то замечали пьющим чай, его наказывали: он был обязан день или два поститься в качестве наказания. Получается, что такая невинная вещь, как чай, может стать греховной; что же тогда говорить о других вещах? Все, что угодно: что бы вы ни взяли, появится какая-нибудь религия, осуждающая это. Эти осуждения не дадут вам жить полной жизнью. А если вы не можете жить полной жизнью, полноценно, вы никогда не поймете, что такое Бог — потому что Бог существует только в полноценном: когда ваш огонь горит ярко, когда ваш факел зажжен с обеих концов, когда вы становитесь огнем живой энергии, только тогда. В моменты, когда ваша жизнь полноценна, когда вы живете на максимуме, когда вы достигаете пика, появляется первый проблеск Бога. Когда вы достигаете своей вершины, вы делаете первый шаг к Богу.

Авраам Маслоу был прав, когда говорил, что крайний опыт делает человека здоровым, и что только здоровый человек способен на полноценные переживания. Да, это так. Дверь открывается всегда, когда вы можете пережить пик; всегда, когда вы можете войти в настоящий момент полностью. На самом пике переживания вы прикасаетесь к ступням Бога, на самом крещендо.

Вот почему тантра говорит: во время секса, когда ваш оргазм достигает своей высшей точки, когда он захватывает все ваше существо, каждая частичка вашего существа вибрирует и пульсирует, каждая клеточка вашего тела оживает, полностью оживает, и вы становитесь океаном, вы полностью растворяетесь, вы не знаете, где вы, все границы исчезают. В этот момент оргазма вы впервые соприкасаетесь с Богом, вы получаете первый проблеск сатори, самадхи, нирваны. Но так будет в любой ситуации: если вы можете достичь пика, вы на мгновение соприкоснетесь с Богом.

Но ваши так называемые религии не позволяют вам достичь пика. Они вас калечат, они вас парализуют, они срезают вас под корень. Они позволяют вам только прожиточный минимум.

Вот в чем заключается отречение: жить на минимуме. Удовлетворять только основные свои нужды. Ваши так называемые религии не учат вас наполняться, они учат вас только тому, как становиться все более и более узкими. Они превращают ваше сознание в туннель, узкий туннель. Настоящая же религия сделает вас открытыми, открытыми подобно небу.

Настоящая религия обязательно должна быть жизнеутверждающей. Иисус был жизнеутверждающим, у него была огромная любовь к жизни; христиане же вовсе не жизнеутверждающие. Кришна был жизнеутверждающим — танцующим, поющим, любящим — а индуисты не жизнеутверждающие. Их так называемые махатмы, их так называемые святые — жизнеотрицатели, отравители жизни.

Если религия приходит к вам как ваш собственный опыт, вы сразу увидите разницу: ваша религия будет жизнеутверждающей. Вы скажете «да» жизни, и скажете безоговорочно. Вы

скажете «да» всему, и через это «да» к вам придет Бог.

Если же ваша религия — просто условность, заимствованная, дешевая подделка, имитация — тогда она будет жизнеотрицающей. Вы будете бояться жизни, у вас будет чувство вины, вы будете в постоянной растерянности, не зная, что вам делать, а чего не делать: «Правильно ли это? Неправильно ли это? Хорошо ли это? Плохо ли это?»

Заимствованная религия никогда не выходит за рамки морали. Подлинная религия аморальна; она никак не связана с моралью, с «хорошо-плохо». Она не знает разделений. И если вы поймете это, вы сможете понять эти прекрасные сутры Кабира. Он не индуист, он не мусульманин, он не христианин. Он просто, подлинный человек, и его слова — одни из самых чистых в мире. И он ни о чем не жалеет — все, что у него было, он сказал, без каких-либо компромиссов.

Перед тем, как мы начнем разбирать сутры, еще три важные вещи. Первая: в течение многих веков религия была системой отречения от жизни: «Уйдите от жизни, жизнь — это плохо; станьте монахом, аскетом, уйдите от жизни» — как будто быть живым — грех, как будто жизнь — это наказание. Именно так думали все религиозные люди: что вы были посланы в этот мир потому, что согрешили в своих прошлых жизнях. Вас бросили сюда в качестве наказания. Такова концепция индуистов. А христианская концепция считает вас даже еще большими грешниками, потому что Адам не повиновался Богу — поэтому каждый человек, по самой своей природе, грешник. Вы уже родились грешниками.

Буддисты говорят, что жизнь — это рабство; так что прорабатывайте ее, чем быстрее, тем лучше. Сбегите. от нее! И на протяжении веков одна лишь молитва произносилась снова и снова по всей земле, которая звучала как «не посылай нас снова в этот мир».

Кабир сказал: «Я не одобряю отречение. Если мир создан Богом, то мир прекрасен. Если он порожден Богом, то он прекрасен; тогда он не может быть наказанием, это награда». Это действительно революционное утверждение — что мир-это не наказание, а вознаграждение, что Бог вовсе не бросал вас в темное и мрачное подземелье. Это, наоборот, праздник. Бог так сильно вас любит, что создал для вас этот мир, чтобы вы с ним играли, чтобы вы в нем танцевали. Это же праздник.

Кабир не одобряет отречение; он полностью за празднование — это во-первых. А, во-вторых, Кабир сказал: жизнь целостна. Жизнь — это общность, поэтому не пытайтесь убежать из мира и не пытайтесь оставаться в одиночестве; потому что богатство есть общность, вы обогащаетесь через общность, через общение. Чем больше вы общаетесь с людьми, тем вы богаче. Одинокий странник, живущий в Гималайской пещере, очень беден, он духовно обнищал — потому что в нем не текут реки общения. Он превратился в пустыню. Всякий раз, когда кто-то в вас заглянул, река потекла внутрь вас. Всякий раз, когда кто-то пожал вашу руку, в вас вливается энергия.

Всякий раз, когда вы с кем-то встречаетесь, вы что-то приобретаете. А если вы уйдете от всяких контактов, от всякого общения и станете одиноким монахом в Гималайской пещере, вы практически совершите самоубийство. Вы будете живы только на один процент. Вас можно будет назвать живыми только по той причине, что вы дышите. Это разновидность смерти: вы живете на минимуме, вы не живете вообще, вы живете нехотя, без желания жить, вы живете в глубоком сожалении, что вы живете; что вы вынуждены жить. Вы не хотите видеть этот мир вообще: раду, деревья, звезды, людей... Нет, вы не хотите никого видеть.

Когда вы не хотите ни с кем общаться, ваша связь с Богом ослабевает, *неотвратимо* ослабевает. А когда вы начинаете общаться с людьми, с деревьями, с животными, вы общаетесь с Богом, проявленным в разных формах.

Кабир сказал: «Быть в постоянном общении — это единственный способ быть по-настоящему живым. Общение есть жизнь, общение есть красота».

Третье, что говорит Кабир: не превращайте религию в ритуал. Ритуал — это путь избегания религии. Религия должна стать спонтанной, антиритуальной. Вы должны следовать ей потому, что вам нравится следовать ей — не как обязанность — и вы должны исполнять ее только спонтанно, когда ваше сердце чувствует, что это нужно. Нет никакой необходимости каждый день идти в мечеть или в храм. Нет необходимости произносить одну и ту же молитву каждый день, ведь вы не будете тогда делать это сознательно. Это станет механическим повторением.

Я слышал...

Однажды случилось следующее: один немецкий ученый приехал в Индию, чтобы повидать некоего старого мудреца. Мудрец был очень знаменит, потому что он знал Ригведу наизусть. Он мог рассказать по памяти все Ригведы — вот чем он прославился. Я не думаю, что он был мудрецом, он был просто школяром, с очень хорошей памятью. Вы можете назвать его хорошим компьютером, но вовсе не мудрецом.

И вот этот немецкий ученый приехал, чтобы о чем-то побеседовать, и он прочитал ему несколько сутр из Ригведы, попросив объяснить ему эти сутры.

Старик сказал: «Никогда не слышал этих сутр», — потому что немецкий ученый не сказал, что это были сутры из Ригведы.

Старик сказал: «Я никогда не слышал этих сутр».

Немец удивился. Он сказал: «Я слышал, что ты знаешь все Ригведы, а ты говоришь, что еще никогда их не слышал?»

Тот сказал: «Я же могу помнить отрывки. Я помню целый текст от начала до конца. Я могу прочесть его весь, но если ты покажешь мне два предложения, я их не помню».

Так бывает много раз: повторить целое проще, потому что это не требует осознания; это будет просто механическое повторение, подобное проигрыванию магнитофонной кассеты, подобно граммофону. Но если что-то спросить, вы даже не сможете вспомнить это, несмотря на то, что знаете. Вы помните только целое. Вы можете исполнять ритуал: вы можете каждый день ходить в мечеть и делать намаз, йогу ислама; либо вы можете совершать индуистский ритуал, либо какой-нибудь другой ритуал; вы можете придумать свой собственный ритуал, можете совершать его каждый день, можете исполнять его очень религиозно, и он станет одной из ваших привычек. И он совершенно ничего вам не даст.

Кабир сказал: будь спонтанным. Если ты спокойно сидишь, и вдруг к тебе приходят слова молитвы, скажи ее — и нет никакой нужды повторять какие-либо формальные молитвы. Говорите, если чувствуете, что хотите сказать,

Иисус привнес нечто совершенно новое в молитву. Он называл Бога «абха». Христиане перевели «абха» как «отец». Это совершенно неправильно: «абха» — это не «отец». «Абха» может быть переведено как «папа», «дедушка», «дед», но вовсе не как «отец». И именно Иисус ввел «абха»: до него ни один еврей так не молился. Бог был отцом. А назвать Бога «абха, дедушка»... это должно было показаться кощунством — но это название было куда более спонтанным, более интимным, более личным.

Назвать Бога «отец» будет неправильно. Отец — это просто клинический термин, неприкасаемый, недоступный для любви, не близкий, не родной, без потока любви. «Отец» — это кабинетный термин. А вот слово «папа» несет уже совершенно иное качество. Иудеи очень гневались, когда слышали, как Иисус называл Бога «абха»: «Кто этот человек? И что он о себе возомнил?» Они не могли его простить. Молитва Иисуса спонтанна; в ней нет никакого ритуала. Иногда вдруг он говорил своим ученикам:

«Теперь я хочу пойти помолиться. Чувствую, что пора». Иногда, окруженный толпой, он

говорил, учил, и вдруг говорил своим ученикам: «А теперь давайте пойдём в какое-нибудь уединенное место. Я бы хотел помолиться».

Это не было ритуалом, это было чувство. Это было не из головы. Когда сердце чувствует, позвольте себе это. Иногда вы можете оказаться в полном молчании, когда ничего не приходит, тогда эта тишина приходит. Тишина столь же молитвенна, как и что-либо еще, даже более молитвенна, чем слова. Иногда могут прийти какие-то слова, но не заставляйте себя — это не театральное действие. Просто выразите то, что пришло, не подкрашивайте. Не готовьтесь к молитве. Позвольте ей прийти совершенно спонтанно. Вот что Кабир называет слово мхахадж: спонтанность. И он говорит: «Если вы остаетесь спонтанным, то постепенно вы подойдете к самадхи. Постепенно вы подойдете к тем внутренним пространствам, где все исчезает — к той необыкновенно прекрасной чистоте, пустоте, где уже ничего нет. И только в этом вакууме к вам приходит Бог, и к вам приходит удовлетворение».

Это состояние он называет *сахадж самадхи* — спонтанный экстаз. Он также говорит, что вся ваша жизнь должна слиться с молитвой. Религия не должна быть частью, она должна стать самой вашей жизнью. Не так, чтобы утром вы помолились — и на сегодня все кончено с вашей религией, или когда в воскресенье вы идете в церковь — и на оставшиеся шесть дней вы свободны от религии. Религия, если она и имеет какое-то значение, должна стать в вас непрерывной. Принимая пищу, вы молитесь; гуляя, вы молитесь; разговаривая, вы молитесь; слушая, вы молитесь. Позвольте молитве войти во все ваши дела, а также не-дела. Ваш сон тоже должен стать вашей молитвой.

Только тогда придет естественный экстаз. И Кабир бесконечно любит естественный экстаз. Он говорит: есть два типа экстаза. Первый — практикуемый, искусственный, его практикуют йоги — асаны, дыхание. Они достигают его посредством тренировки. Это следствие тренировки, огромных усилий. А Кабир говорит: все, что достигается тренировкой, непременно будет фальшивым. Это будет игрой.

Он сказал:

Санто, сахадж ссгмадхи бхали.

О монахи, о ученики, нет лучше спонтанного экстаза. Не стоит вам его практиковать. Тренируясь, вы отравляете его. Не стоит вам делать каких-либо серьезных усилий для этого, оставайтесь в покое и тогда, постепенно, шаг за шагом, растворитесь в нем.

Теперь сутра:

Тот близок мне на сомом деле,

Кто может странника вернуть домой.

И только дома будет жизни наслажденье

И только дома есть слиянье и покой.

Зачем тогда, забыв свой дом,

Я буду странствовать по лесу?

И если браhma мне поможет правду отыскать,

Я только там найду и рабство и освобожденье.

Он бесконечно любит дом. Он говорит: не уходи из своего дома и не становись бродягой, не отрекайся. Оставайся в своей семье. Не изменяй существующего; прими его. Все, что Бог дал — хорошо; прими это с глубокой благодарностью, не отвергай. Отвергнув это, ты отвергнешь самого Бога. Мать, отец, брат, жена, дети — все, что произошло естественно — позвольте ему быть. Не пытайтесь создать искусственную ситуацию, потому что через искусственное вы никогда не придете к естественному. Никто не родился отрекшимся, никто не родился монахом.

Все родились в семье, в сообществе; каждый родился от матери и отца, каждый родился в атмосфере любви. Монах — это человеческое изобретение, а семья — божественное.

*Тот близок мне на самом деле,
Кто может странника вернуть домой.*

И Кабир сказал: любой, кто помогает бродягам вернуться домой, мне близок.

Он бы меня очень полюбил, если бы он был здесь. Я вернул уже многих бродяг, и я уже остановил многих потенциальных бродяг. Я помог им остаться там — там, где они есть, и вместо того, чтобы менять внешние обстоятельства, изменить себя. Перемена обстоятельств — это обман ума. Это не поможет. Измените свое сознание.

*Тот близок мне на самом деле,
кто может странника вернуть домой:
назад в мир, назад в семью,
назад к любви, назад к общению.
И только дома будет жизни наслаждение,
И только дома есть слиянье и покой.
Зачем тогда, забыв свой дом,
Я буду странствовать по лесу?
И если брахма мне поможет правду отыскать,
Я только там найду и рабство, и освобождение.*

Да, дом — это рабство, но и освобождение тоже. Все зависит от вас. Если вы нас; роены против дома, он вам покажется рабством; а если вы не против, он окажется освобождением. В основном это зависит только от вашего подхода. Даже цепи могут стать освобождением; это зависит от вас. Но и из своей свободы вы также можете сделать путь.

*Тот близок мне на самом деле,
Кто может в Бога погрузиться глубоко;
Чей ум, при созерцании Его, спокойно исчезает.*

«...при созерцании его, спокойно исчезает»: кто легко, безо всяких усилий, растворяется в Боге. «Гош близок мне на самом деле, кто может в Бога погрузиться глубоко; чей ум... спокойно исчезает».

*Тот близок мне, кто Бога знает,
Кто может утонуть в Его великой,
совершенной Правде
Во время погружения в себя;
Кто может спеть мелодию бесконечности,
соединив любовь и отречение в жизни.*

Это высшая гармония: соединение любви и отречения. Люди приходят ко мне и говорят: «Вы создали новый тип саньясинов, которые живут дома: так какие же они тогда саньясины?» Потому что старая концепция такова: саньясин — это тот, кто покидает мир, покидает семью, уходит в лес, становится бродягой. «Тогда зачем вы называете своих саньясинов «саньясинами»,

если они не оставляют свой дом, если они живут со своими женами и своими детьми, и если они живут в любви — зачем тогда вы называете их саньясинами?»

Я называю их настоящими саньясинами, более подлинными, чем тот, старый тип — потому что старый тип был негармоничен. Он был раздвоенным; Он не был целостным, он был неполным.

Мои нео-саньясины целостны: они отреклись и все же они не ушли. Они будут жить в любви и они не будут к любви привязываться; таково будет их отречение. Они будут жить в этом мире, но они не будут стараться им обладать, — таково будет их отречение. Они будут жить в любви, но у них не будет ревности; таково будет их отречение. Они будут пользоваться вещами, но не позволят вещам ими овладеть: вот в чем будет их отречение. Они будут видеть творца в любом творении, но они не будут делить мир на творца и творение; для них будет неприемлемо любое деление. Они будут искать гармонию в противоположностях.

Тот близок мне, кто Бога знает...

*...кто может спеть мелодию бесконечности,
соединив любовь и отречение в жизни.*

Кабир сказал:

Только дом непреходящ;

Вы родились дома; нет никакой возможности родиться вне дома, дом это ваша органическая часть. И помните разницу между словами «здание» и «дом»: здание — это место, где вы живете без любви; Дом — это место, где вы живете в любви. Когда здание наполняется любовью, оно становится домом. Не все здания — это дома. Многие люди живут в зданиях, думая, что живут дома. Не обманывайтесь: не все здания это дома, тогда как любой дом может стать просто зданием. Дом — это нечто большее, чем просто здание: здание — это просто структура, в нем нет души. Но когда в нем расцветает любовь, когда в нем появляется теплота, близость, доверие, открытость, дружба, тогда здание становится домом, тогда здание становится светящимся.

И вы можете сразу увидеть разницу: стоит вам войти в дом, вы сразу можете почувствовать, здание ли это, или Дом. Если это будет Дом, вы почувствуете приветливость, вы почувствуете теплоту. Вы почувствуете своеобразный настрой, своеобразную атмосферу. А если это просто здание, вы почувствуете холодную структуру — цемент и бетон, но никак не душу. Он может быть холодно красивым, с хорошей архитектурой, но вы не почувствуете никакого тепла, вы не почувствуете никаких вибраций, показывающих, что люди живут в любви, что люди, которые там живут, живут счастливо, что люди, живущие там, радуются, что люди, живущие там, благодарны Богу. Холодное, неприветливое — тогда это здание, а Дом — теплый, приветливый... вы сразу почувствуете окружившую вас теплоту. В доме может никого и не быть, но, если там есть любовь, то дом продолжает вибрировать этой любовью.

Как-то я жил с одним очень хорошим человеком, поэтом, мистиком, и мы вместе путешествовали. У него была одна очень любопытная привычка: когда мы шли в гости в какой-нибудь дом, он начинал ходить из угла в угол и потягивать носом. Я спросил: «Что ты делаешь?» Он ответил: «Я пытаюсь разобраться, дом ли там, или просто здание». И он мог сказать совершенно точно, с полной уверенностью. Я никогда не видел, чтобы он ошибся. Он, понюхав, сразу говорил: «Это, кажется, дом; мы можем остановиться». И он был прав. Или иногда он говорил: «Пошли отсюда; это здание. убьет!»

На поверхности вы можете и не увидеть разницы, но любой дом живой. Если там есть любовь, он жив. Он похож на живое существо. Вы видите, как то-то лежит; как вы решите, труп

это или живое тело? Вы подойдете и прикоснетесь, определите, теплый ли он, поднесете свою ладонь к его носу, прислушаетесь к дыханию, вы можете определить это по биению сердца, можете прислушаться, бьется ли оно; и если да, вы говорите, что это не труп. Точно так же в доме есть биение, есть звучание, дыхание, пульсация; а здание мертво, это труп.

В наше время в мире множество и множество зданий, дома же исчезли.

Кабир сказал:

Дом непреходящ; и только дом реален...

Вы родились дома, вы выросли корнями в дом; вы должны в нем жить и вы должны в нем же умереть — и нет необходимости идти куда-то еще. Богом вам предназначено жить именно так. Так же, как дерево крепкоросло в землю, вы крепко выросли в дом, в любовь, в общность.

... Только дом поможет достичь его тем, кто действительно ищет.

Поэтому оставайтесь там, где вы есть, и тогда все придет само.

И не надо так спешить. Не надо чего-то ждать. Не надо ожидать, что все придет сразу. Просто ждите. Нет необходимости идти в лес или в Гималаи; нет необходимости уходить в какой-либо католический монастырь.

Нет необходимости становиться джайнским монахом. Просто будьте — где бы вы ни были — любите, общайтесь с теми, с кем вы глубоко связаны, и ждите. И когда время придет, придет и Он, Он раскроет себя.

Терпение — это одно из важнейших религиозных качеств, оно более важно, чем усилие. Усилие — это тень эго. Делая усилие, вы как бы говорите: «Я этого добьюсь; я достигну даже Бога. Я не могу позволить реальности от меня уйти. Я должен понять. Бог будет в моих руках. И я однажды скажу всему миру, что да, я пришел».

Усилие — плод эго; терпение же — это отсутствие эго. Терпение: пассивно; человек просто ждет... Вот почему все великие мистики говорят, что для того, чтобы познать Бога, нужно стать женственным. Мужское — это агрессивность. Мужское — это усилие, атака, воля; в то время как женское — это пассивность, восприимчивость, приветливость. Женское — это чрево: когда Бог приходит, пассивный ум, ждущий ум становится чревом. Он принимает Бога, он становится беременным Богом.

О садху Лучшее всего простое единенье...

Сахадж санадхи: лучше всего спонтанный экстаз. Не создавайте вокруг него сложных структур. Так много всяких дисциплин, упражнений, дыхательных упражнений-не создавайте так много структур вокруг этого. Кабир за все простое; не делайте это сложным, пусть это будет естественным. И вот что он нам говорит:

С тех пор, как своего я Господина встретил, Любви веселью не было конца.

Бог постоянно с вами играет. Вы можете его не видеть; он посылает подарок за подарком, он непрерывно изливает свое бытие в ваше бытие. Вы можете совершенно забыть об этом, но его игра продолжается. Нужно только сурати, воспоминание, то, что Гурджиев называл самовоспоминанием, Кабир называл сурати, воспоминанием.

Ничего не нужно. Мы уже участвуем в игре. Бог — ваш партнер, и весь этот праздник любви продолжается вечно. Мы просто забыли; мы забыли очевидное.

Вспомните.

Не закрываю я глаза...

Вслушайтесь. Кабир сказал: *не закрываю я глаза* — даже такого усилия я не делаю.

Не закрываю я таза. Ушей не затыкаю.

Не подавляю тела я страстей,

На все смотрю открытыми глазами,

и улыбаюсь...

...потому что я вижу Его везде; как Он прекрасен, скрываясь за всем.

На все смотрю открытыми глазами,

и улыбаюсь. Его я вижу красоту везде:

Тогда произношу Его я имя,

И все, что вижу я, напоминает мне о Нем,

Все, что я делаю, я делаю Ему.

Восход, закат, все стало для меня неразделимо;

Противоречия ушли.

Религия Кабира очень эстетична, артистична. Он великий поэт, несмотря на то, что у него нет образования. Но что общего у поэзии с образованием? Великий поэт, один из величайших; его поэзия просто грандиозна, не от мира сего. Он говорит: человек должен искать красоту. И больше ничего. В природе все полно красоты. А красота — это не что иное, как скрытый Бог. Вся красота — это Он. Когда вы видите красивое человеческое лицо — мужское ли, женское ли — это лицо божье. Когда вы смотрите в два прекрасных глаза, вы входите в храм Бога. Когда вы видите раскрывшийся цветок, это приглашение от Бога.

Я слышал...

Тридцать восемь лет назад философ Джордж Сантаяна получил порядочное наследство и был готов отказаться от своей должности в Гарварде. Классная комната была украшена по поводу его последнего выхода, и Сантаяна вел себя очень гордо. Он уже был готов подвести итоги, как вдруг его взгляд упал на ручеек, вытекающий из-под грязного талого снега за окном. Он внезапно замолчал, взял свою шляпу, перчатки и направился прямо к двери. Там он обернулся. «Господа, — сказал он мягко. — Я не смогу закончить это предложение. Я вдруг обнаружил, что у меня назначено свидание с апрелем».

Каждый цветок-приглашение, свидание с Богом. Каждая птичья трель, каждое облачко, плывущее по небу, подобны посланию, закодированному посланию. Вы должны его расшифровать, вы должны его разглядеть, вы должны замолчать и вслушаться в послание.

Кабир сказал:

«На все смотрю открытыми глазами и улыбаюсь.

Его я вижу красоту везде».

Нет необходимости даже закрывать глаза. Закреты ли глаза, открыты ли — вы видите Его, потому что он внутри и вовне.

Тогда произношу Его я имя,

И все, что вижу я, напоминает мне о нем;

Все, что я делаю, я делаю ему.

*Восход, закат, — все стало для меня неразделимо;
Противоречия ушли.*

Все противоречия исчезают только тогда, когда вы достигаете Бога и ничуть не раньше, потому что противоречия создает ум. Когда вы достигаете Бога, ума уже нет, все противоречия ушли вместе с умом. Тогда день и ночь сливаются в одно. Жизнь и смерть тоже становятся одним. Тогда, остались ли вы, или вы исчезли, — не имеет значения. Тогда вдох и выдох — уже не два, тогда это один процесс.

*Куда бы я ни шел, он рядом.
Чего бы ни достиг — все становится Ему служеньем.
Когда ложусь, к Его ногам я простираюсь.
Его я только обожаю, и больше нет такого никого.
Язык мой потерял несовершенство слов.
Он день и ночь теперь поет Его великолепье.
Встаю ли я, сажусь ли — мне не забыть Его;
Пока ритм музыки Его звучит в моих ушах. Кабир сказал:
Мое сердце в безумии, я открыл в себе душу,
что была долго скрыта.
Я утонул в этом неповторимом огромном блаженстве,
для которого нет уже ни радости, ни боли.*

Противоречия — это наше изобретение, помните это, потому что мы не можем видеть целое, потому что мы можем видеть только часть. Отсюда и противоречия. Мы можем видеть только часть, мы никогда не видим все сразу — поэтому и противоречия. Замечали ли вы? Даже если вы смотрите на маленький камешек в своей ладони, вы не можете видеть его весь сразу. Вы видите одну часть, а другая часть вам не видна. А когда вы смотрите на другую часть, первая начинает исчезать. Вы не можете видеть даже камешек весь сразу; даже песчинку вы не можете видеть целиком. Когда вы смотрите на мое лицо, о спине вы только догадываетесь: может быть, она есть, а, может быть, ее нет. А когда вы смотрите на мою спину, о лице вы только догадываетесь: оно может быть там, а может и не быть. Мы никогда не воспринимаем вещи целиком, потому что ум не может видеть целое. Ум имеет только частичное видение.

Когда ум отброшен, когда приходит медитация, тогда вы видите целое. Тогда вы видите целое таким, какое оно есть, все части сразу. Тогда лето и зима уже больше не отделены, тогда листопад и оттепель больше не отделены. Тогда вы увидите, что рождение и смерть являются двумя аспектами одного и того же процесса. Тогда счастье и несчастье уже не будут противоположностями, они взаимосвязаны; подобно долине и горе, они существуют вместе.

И когда вы видите эту комплементарность в жизни, вы перестаете выбирать. Вам уже нечего выбирать. Разве вы не замечали? Стоит вам выбрать счастье, вы становитесь жертвой несчастья; стоит вам захотеть удачи, неудача последует; на что бы вы ни надеялись, разочарование уже вас ждет. Если вы держитесь за жизнь, смерть придет и все разрушит.

Разве вы не видите, что это происходит каждый день, каждую минуту? Это не противоположности, это взаимосвязано. И когда человек видит, что это взаимосвязано, тогда что он будет выбирать? Выбирать будет бессмысленно: человек перестанет выбирать.

Именно об этом постоянно говорит Кришнамурти: не выбирайте, оставайтесь в состоянии невыбирающего сознания — но это невозможно, пока вы не убедитесь во взаимосвязи всего. Как только вы поймете, что все взаимосвязано, выбор будет бессмысленным. Тогда выбирать будет

ничего, потому что, что бы вы ни выбрали, с выбором приходит противоположное. Тогда зачем? Вы выбираете любовь, и ненависть приходит следом; вы решаете подружиться и приобретаете врага; что бы вы ни выбрали, противоположное последует, как тень. Человек просто перестает выбирать, он остается без выбора. И когда человек оказывается без выбора, он переходит границу всех противоречий.

Перейти границу противоречий — значит трансцендировать ум, а трансцендировать ум — значит понять, что такое любовь. А то, что вы раньше считали любовью, не имело, на самом деле, с любовью ничего общего. Это было злоупотреблением. Словом «любовь» сильно злоупотребляют. Только немногими словами, злоупотребляют также сильно, как словом «любовь». Это «Бог», это «мир». Но «любовь» во главе списка. Все говорят о любви, но никто не знает, что это такое. Люди поют о ней, люди сочиняют о ней поэмы, не зная, что такое любовь.

Моя личная точка зрения такова: когда бы человек ни написал поэму о любви, помните, что он упустил. Ему неизвестно, что такое любовь. Иначе, зачем бы он стал писать поэму о любви? Если вы можете любить, вы будете любить вместо того, чтобы писать поэмы об этом.

Я читал многих поэтов и не видел ни одного, кто бы знал, что такое любовь. Только мистики знают. Любовь не имеет ничего общего с теми вещами, которыми стали выражать любовь. И насколько обычным стало злоупотребление! Вы можете приехать во Вриндаван и послушать, что люди говорят. Кто-то говорит: «Я люблю мороженое!» Кто-то любит машину «Кадиллак», кто-то любит свою собаку, кто-то любит свою кошку, кто-то любит свою женщину... люди применяют слово «любовь» к чему угодно.

Любовь не знает объекта, у любви нет адресата. Любовь есть только к Богу. Если вы любите свою женщину, если вы действительно ее любите, вы увидите, что женщина исчезла и на ее месте стоит Бог. Если вы любите дерево, то вы вдруг видите, что дерево исчезло и появился Бог, зеленеющий в нем, цветущий. Любовь есть только к Богу. Любовь не бывает к частичному, она бывает только к целому. Любовь — это почти синоним молитвы.

Но нам неведома любовь. И с самого детства нам давали извращенное представление. Мать говорит ребенку: «Люби меня, я твоя мать», — как будто бы просто потому, что вы мать, вы уже достойны любви. Отец говорит: «Люби меня. Я твой отец», — как будто любовь — это логика: «Так как я твой отец, ты должен меня любить». И ребенок не знает, что ему делать; как полюбить просто потому, что кто-то заявил, что он твой отец? И ребенок начинает чувствовать себя виноватым, если он не любит. И он начинает притворяться, изображать любовь. Не понимая, что от него хотят, он улыбается и говорит: «Я люблю тебя, мамочка; я люблю тебя, папочка», и \ папочка очень счастлив. Люди очень рады услышать пустые слова. И мамочка очень счастлива, потому что ребенок улыбается, и она очень счастлива, что, наконец-то, хотя бы один человек ее любит; по крайней мере, ее собственный ребенок ее любит. Никто больше не любит ее...

И ребенок просто становится политиком; он учится дальше, как обманывать. Рано или поздно он настолько с этим освоится, что будет притворяться всю жизнь, занимаясь разговорами о любви. И он будет говорить сто раз своей жене: «Я люблю тебя, я люблю тебя», но это будут пустые слова. В них ничего не содержится, они бессмысленны. Но они помогают, потому что люди живут только словами. Люди не видят реальности, они потеряли с ней всякий контакт.

Дейл Карнеги сказал своим последователям: даже если вы не любите свою жену, то, по крайней мере, три, четыре раза в день скажите: «Я люблю тебя», и это поможет. Не нужно вкладывать в это особого смысла, просто скажите, и все: даже это поможет. Люди знают только слова, они не знают реальности.

Если ребенок научиться изображать любовь, он никогда уже не узнает настоящей любви,

потому что любовь — это не то, что можно сделать. Она случается; это не следствие ваших усилий. Любовь — это нечто высшее, чем вы, большее, чем вы. Вам не удастся ее добиться или ею управлять. Помните это и оставайтесь открыты. Не притворяйтесь. Если она придет, будьте благодарны; а когда она уйдет, ждите снова. Но только не притворяйтесь.

Если вы не притворяетесь, то однажды вы обнаружите, что любовь пришла, цветок распустился. И когда любовь распускается в вашем сердце, ее аромат поднимает до самых ступней Бога. Она может распространиться многими путями: она может потечь через вашего ребенка, через вашу жену, через вашего мужа, через вашего друга, через дерево, через камень. Она может течь через все, войти во все, но она всегда достигает Бога.

Любовь — это нечто, предназначенное для целого. Ждите ее. Любовь — это секретный ключ, открывающий все замки и все блоки. А блок — это не что иное, как замок в вашем существе. Любовь — это секретный ключ, открывающий все замки. Главный ключ...

Глава 2. Пока все хорошо

Первый вопрос:

Многие люди на западе заняты созданием науки или технологии просветления. Это им несомненно, нужно, но, но ваш взгляд, возможно ли это? Разве это не безответственно заниматься этим, еще не достигнув состояния просветления?

Являются ли методы Арики правильным подходом?

ПЕРВОЕ и самое главное, что нужно понять — что для просветления никогда не требуется технологии. Это невозможно по самой его природе. Но весь западный мир охвачен жадностью технологии, поэтому все, что попадает в его руки, начинает превращаться в технологию. Технология — это мания. Для внешнего мира наука — это правильный подход, но только частичный, неполный; это не единственный подход, а только один из них. Поэзия столь же эффективна, как и наука.

Наука — это способ познания без любви, и в этом есть опасность. Из-за того, что наука — это знание без любви, она на службе у смерти, она не помогает жить. Поэтому весь научно-технический прогресс ведет человека к глобальному самоубийству. Однажды, когда человечество покончит с собой — во время Третьей мировой войны — тараканы будут говорить: «Мы — самые пригодные к жизни». Какой-нибудь Дарвин, тараканий Дарвин, докажет: «Мы наиболее жизнеспособны, потому что мы выжили; выживают сильнейшие».

Человек уже совершил самоубийство; он разрушил себя. Знание без любви опасно, потому что тогда оно — яд.

Любовь поддерживает баланс, она никогда не позволяет знанию идти слишком далеко, чтобы оно не стало разрушительным. Наука — это знание без любви, в этом и ее опасность. Это — один из верных подходов: объекты, материальные объекты можно познавать и без любви, для этого она не нужна. Но жизнь — это не только материя. Жизнь сплавлена с чем-то совершенно трансцендентальным. И это трансцендентальное упускается. И тогда наука постепенно автоматически превращается в технологию. Она становится механичной. Она все больше и больше становится средством для эксплуатации природы, для контроля над природой. Развитие началось со следующей идеи: как победить природу. Но это глупая идея.

Мы неразделимы с природой; как мы можем с ней соревноваться? Мы и есть природа, так кто кого будет побеждать? Это абсурд. И с этой своей абсурдностью наука уже много попортила: вся природа испорчена, климат нарушен, воздух, вода, моря-все отравлено

Гармония полностью нарушена, экология непрерывно нарушается. Пожалуйста, помните — этого уже достаточно, более чем достаточно.

Не пускайте науку вовнутрь. Если применение научной методологии было настолько опустошительным для внешней природы, оно подействует еще более опустошающе на внутреннюю природу — потому что вы будете затрагивать все более тонкие слои. Даже для внешней природы нужен совершенно другой вид знания, который основан на любви; но для глубочайшего центра вашего существа, для тончайшего, для запредельного, — знание не нужно вообще. Нужна невинность. Невинность и любовь — только тогда вы познаете внутреннее, тогда вы познаете содержание вашего существа, субъективное.

Но запад поглощен технологией. И кажется, что технология преуспела в области природы: мы стали более мощными. Мы не стали сильнее. Это была ложная идея; мы не стали сильнее! Мы становимся слабее и слабее с каждым днем, потому что природные ресурсы истощаются. Рано или поздно Земля опустеет, на ней ничего не будет расти. Мы не становимся сильнее, мы

становимся с каждым днем все слабее, слабее и слабее. Мы уже на смертном одре. Человечество не выживет, если будет продолжать так поступать с природой, максимум пятьдесят лет, шестьдесят лет, или, самое большее, сто лет — а это ничто. Если не будет Третьей мировой войны, мы совершим медленное самоубийство. Пройдет сто лет, и нас не будет. Не останется и следа.

И человек будет не первым, кто исчезнет. Уже много других животных, очень сильных животных, исчезло с лица Земли. Они когда-то бродили по Земле, они были царями Земли, они были больше слонов. И их больше нет. Они тоже думали, что стали могучими. Они были огромных размеров, у них была неистощимая энергия, но скоро Земля уже не могла больше снабжать их пищей, так как они становились все больше, и больше, и больше, и пришел момент, когда пищи уже не хватило, и они вымерли.

То же самое происходит с человеком: человек думает, что становится все более и более могучим, он может достать до Луны, но сам разрушает Землю. Он разрушает всякую возможность жизни в будущем. Человечество медленно исчезает. Пожалуйста, не применяйте свою технологию ко внутренним поискам; вы уже и так наделали много вреда. Просветление не может быть низведено до уровня технологии.

Поэтому, во-первых, внутренний поиск — это невинность, а не знание; он определенно не связан с наукой и совершенно не имеет ничего общего с технологией. Он связан больше с любовью, невинностью, тишиной. Медитация — это, в действительности, не техника. И только потому, что вы не можете понять ничего, кроме техники, я вынужден говорить в терминах техники. Иначе, медитация — это вообще не техника. Медитация — это не то, что вы можете делать. Медитация — это нечто, куда вы попадаете, подобно любви. Медитация это нечто, в чем вы можете быть, но что вы не можете делать. Делание отпадает.

Каковы могут быть методы для не-делания? Технология уместна в делании, когда вы должны что-то сделать. Но медитация — это не что-то, что вы делаете. Она приходит только тогда, когда ваш делатель успокоился и вы полностью расслаблены, когда вы ничего не делаете, когда вы в глубоком покое, отдыхаете... вот где начинается медитация. Вот когда медитация расцветает. Это цветение вашего существа. Она никак не связана со становлением. Это не достижение, это не улучшение, это просто, когда вы становитесь тем, Чем вы уже являетесь. Разве нужна для этого техника?

Но люди так глупы; вот почему приходится говорить о техниках. Если вы понимаете, ничего не нужно. Достаточно быть молчаливым, достаточно быть самим собой, не преследовать какую-либо цель, не надо вообще никуда идти, и вы увидите, насколько это лучше, вы почувствуете благословение, медитацию. Когда эта медитация станет настолько спонтанным потоком, что вам уже не нужно будет садиться в определенную позу, чтобы медитировать, что вам уже не нужно будет искать тихий угол в доме, где вас никто не потревожит, когда даже в миру ваша медитация будет продолжаться — говорите ли вы, идете ли вы, делаете ли что-то, едите ли — когда она станет непрерывной, даже когда вы спите, когда вы продолжаете ее чувствовать, когда она становится вашим дыханием или биением вашего сердца. Вот что Кабир называл *сахадж самадхи*, спонтанным экстазом. Для этого не нужно техники. Для этого нужна только спонтанность, для этого нужна только естественность, для этого нужна только простота.

Так что я скажу вам следующее: блаженны невежды, ибо их есть Царствие Небесное. Станьте невинными и станьте невеждами. Не держитесь за свои знания.

Но на западе это происходит. Сейчас они пытаются управлять умом. Они пытаются создать механизм, способный манипулировать умом. Это будет еще опаснее, чем наука. Это будет еще опаснее, потому что, как только вы узнаете, как манипулировать умом человека, вы превратите

и его в автомат: вот что тогда произойдет. Как только вы узнаете, что человеком и его умом можно управлять, полностью управлять, то исчезнет всякая свобода, исчезнет всякая индивидуальность. Вам в голову могут погрузить электроды даже без вашего ведома, и вами начнут управлять из Дели, из Москвы, из Вашингтона, из Капитолия. Вами могут манипулировать просто при помощи радиоволн. Тогда вся страна может быть управляема, и никто не увидит Никакого приказа, пришедшего извне, он придет изнутри вас. Электрод уже вставлен, по радиоволнам вам могут приказать, и вы будете автоматически подчиняться. Вся ваша свобода исчезнет. Вас могут загипнотизировать в любой момент. Вам могут навязать любые галлюцинации, и вы в них поверите; они будут такими реальными — они будут возникать в вас самих. Тогда из Дели, из Москвы, из Вашингтона, из Лондона, из любой столицы... Не будет необходимости содержать полицию, не нужно будет содержать прокуратуру; это слишком дорого и неэкономично. Это все воловьи упряжки — они не нужны. Можно применить более тонкую технологию. Отпадет необходимость содержать всех этих людей для поддержания порядка, не будет необходимости даже в священниках, учащих морали и религии. Прямо из столицы могут дать указание, что вы все были счастливы — и вы все станете счастливыми; что вы все удовлетворены — и вы все почувствуете себя удовлетворенными. Вы, может быть, умираете, голодаете, но будете чувствовать себя удовлетворенными. Вы можете быть уже при смерти, страдая от болезни, но стоит прийти указанию, что вы счастливы, и что смерти нет, и вы поверите, что вы счастливы, и что смерти нет. И это будет приходить изнутри вас.

Именно это Дельгадо предложил сделать в будущем, и он сказал: «Тогда человек будет счастлив. Не останется несчастных». Но это счастье не будет подлинным счастьем.

Уже есть машины, которые способны создать альфа-волны в вашем уме просто посредством электростимуляции. Это опасно — потому что это не позволит вам познать реальность. Эти альфа-волны, будучи навязанными извне, не будут естественными, они не будут природными. И Бог просто исчезнет. Тогда отпадет необходимость в Боге. Вы уже не несчастны, так зачем тогда искать счастья? И вы поверите в догму — какая бы догма вам не предлагалась, пропагандируемая вашими политиками и вашими священниками — вы поверите в их догму, вы *полностью* поверите в догму, без малейших колебаний. Скептицизм исчезнет. Это опасный шаг.

Медитация не должна быть низведена до технологии, просветление не *может* быть низведено до технологии.

Просветление означает осознание, свидетельство. Просветление не связано ни с телом, ни с умом. Оно запредельно. Телом можно управлять с помощью механизмов, умом можно управлять с помощью механизмов, но ваша душа выше всего этого и не может быть управляема никакими механизмами, какими бы они ни были.

Вы спрашиваете: «*Многие люди на Западе заняты созданием науки и технологии просветления*». Эти люди преступники. Они опасные люди; избегайте их. Это те же самые люди, которые были заняты созданием научной технологии двести лет назад. Они разрушили природу, а теперь взялись за сознание. Его они также разрушат.

Сейчас есть всемирное движение по защите экологии, по защите природы. Но это в действительности уже слишком поздно. Теперь уже ничего не сделаешь, ничего осязаемого уже не сделаешь. И эти люди, которые выступают за экологию, выглядят как эко-фанатики, как еще один вариант свидетелей Иеговы-фанатиками, отчаянно борющимися с чем-то, что кажется уже невозможным одолеть.

Пока чума технологии не направилась на человеческое сознание, остановите ее. Остановите ее в самом зачатке.

И вы говорите: «*Это им, несомненно, нужно*». Нет, конечно не нужно. Нет необходимости.

«Но, на ваш взгляд, возможно ли это?» И невозможно так же. Но человек сам себе вредит: чем более невозможно то, что он делает, тем больше оно привлекает его и зовет. Вот что сказал Эдмунд Хиллари, когда взошел на Эверест. Кто-то его потом спросил: «А зачем вообще ты это делал? Какой смысл, для чего?» Эдмунд Хиллари ответил: «Я должен был, потому что Эверест есть. Он есть, значит я должен был это сделать. Он стоит как вызов». Все непобедимое призывает человеческое эго.

Естественно, что это невозможно, этого никогда не будет — но именно эта невозможность может привлечь таких сумасшедших, одержимых людей, которые хотят придумать технику для всего. Им не создать технологии для просветления. Это совершенно невозможно благодаря самой природе вещей. Но они вполне могут создать технологию для манипулирования умами и даже вводить людей в заблуждение, создавать иллюзию просветления.

Именно это происходит от принятия наркотиков: наркотики уже стали технологией для просветления. И гуру наркоманов, Ален Гинсберг, говорит все те же вещи, которые говорили все великие мистики мира, как будто бы все они раскрывали то же самое, что дает ЛСД, или псилоцибин, или марихуана. Это чушь. Никакие наркотики не могут привести вас к просветлению, но они могут создать иллюзию просветления.

Разве это не безответственно — заниматься этим, еще не достигнув состояния просветления?

Только те, кто не знает просветления, могут этим заниматься. А те, кто познал, не будут даже интересоваться этим. И это действительно безответственно.

Является ли метод Арики правильным подходом?

Метод Арики — это технология, техника, знание без любви — и поэтому он опасен. Он будет превращать людей в роботов.

Всегда помните, свобода — единственная цель; мокша, полная свобода — вот цель. Вы можете превратить человеческие существа в роботов, они будут менее несчастными. Ведь, если вы полностью станете роботом, как вы можете остаться несчастными? Машины не бывают несчастными: конечно, и счастливыми тоже, но никогда несчастными — это определено. Метод Арики, как и любой другой метод, который существует без любви, опасен. Но это очень трудно отличить, потому что тот же самый метод может быть использован с любовью, и тогда он станет полезным. Тот же метод может быть использован без любви, и он станет опасным. И очень трудно отличить, глядя со стороны, используется метод с любовью или нет.

Методы Арики были заимствованы из различных школ: суфийской, гурджиевской, тибетской, индийской, японской. Это эклектика. Со всего света они собрали техники. Во-первых, они взяты из различных школ — в них нет гармонии, в них отсутствует центр. Это просто нагромождение — куча, толпа, но вовсе не семья — потому что техники взяты из разных школ.

Суфийские техники обязательно будут отличаться от техник Дзен. И то и другое действует, и то и другое работает, но работает по-разному. Техники сами по себе не могут работать вне своей системы. Это будет так, как если бы вы взяли одну деталь от машины и стали устанавливать ее на машину другой марки. Она не устанавливается, и вы озадачены: «Почему же она не работает?» В первой машине она работала, она была в гармонии, она была предназначена специально для той машины. Методы Дзен работают в философии Дзен, методы суфиев работают в суфийской школе, тибетские методы работают в тибетском эзотерическом буддизме, методы йоги работают в системе Патанджали. Нельзя просто набрать всяких методов отовсюду, иначе у вас получится машина, в которой часть деталей из «Роллс-ройса», часть из «Линкольна», часть из «Кадиллака», а часть от «Фиата» — вы напихаете в свою машину кучу

всевозможных деталей. Ваша машина станет опасной... Во-первых, она никуда не поедет, и вам очень повезет, если она никуда не поедет. Если она тронется, вас можно только пожалеть. Арика выбрал техники из разных школ. Арика очень жаден, эклектичен; и во всем этом нет центра. Это не оркестр, это шумный базар.

Во-первых, если вы следуете методам Арики слишком часто, вы не придете к своему центру. Вы будете получать различные переживания на периферии, но никогда не придете к своему центру. И все ваши переживания не будут одной целой семьей, они будут фрагментарными. И это опасно; вы развалитесь на части.

Во-вторых, там нет любви, потому что там нет центра — а любовь возникает только там, где есть центр. Скопище столь многих техник пусто, в нем нет души. Так что вы можете очень хорошо освоить техники, но ваше сердце так и не расцветет. Вы станете искусными, но не станете блаженными. Вы можете стать менее несчастными, менее напряженными, вы станете способны лучше собой владеть, ваше эго может стать более сильным, но в вас не будет души.

Все методы работают в своем собственном контексте. Но у Арики еще нет никакой своей философии, нет никакой гармонии. И это не путь, чтобы создать гармонию, это прямо противоположный путь. Ведь буддизм возник тогда, когда Будда стал просветленным. Сначала появился центр, и он затем начал развить несколько методов, чтобы Помочь тем, кто еще не был просветленным, чтобы помочь им прийти к центру так же, как пришел он. Сначала появился центр, а затем периферия.

Так же было и с Джалалутдином Руми: он стал просветленным, когда танцевал, когда кружился — не для того, чтобы стать просветленным, он и не знал, что это такое. Просто ему очень нравилось вращение, оно приносило ему большой покой. Просто так случилось, что, когда он кружился, он стал просветленным. Когда он стал просветленным, он начал думать, как помочь другим людям; сначала возник центр. И затем он начал создавать суфийские методы. Так же обстояло дело и с Патанджали.

А с Арикой все совершенно иначе. У него нет просветленного бытия в центре. Конечно, он очень умный человек человек, который собрал множество методов из разных источников, из разных стран и разных традиций — но нет центра. Это всего лишь периферия. Поэтому люди, которые заинтересовались Арикой, рано или поздно почувствуют, что они остановились. Они достигнут некоторого состояния, и вдруг увидят: роста больше не будет. И вы станете высохшими, подобно пустыне... потому что пока любовь не расцветет, цветы никогда не появятся, деревья не вырастут, реки не потекут.

Высшее цветение всегда принадлежит любви.

Второй вопрос:

Как-то вы сказали, что вы эгоист. Позже — что эгоист не может быть счастливым, а сами сказали, что вы счастливы. Прокомментируйте — это, пожалуйста.

Никогда не слушайте, что я говорю! Просто смотрите на меня, слушайте меня. Совсем не беспокойтесь о моих словах. Посмотрите вперед: можете ли вы видеть какое-либо эго в человеке, который здесь сидит и говорит с вами? Не принимайте так серьезно то, что я говорю. На самом деле, только человек, у которого нет никакого эго, может сказать: «Я величайший в мире эгоист».

Обычно эго пытается себя спрятать. Вы говорите кому-то: «Ты эгоист»; он обидится. Он действительно может быть эгоистом, но он обидится. Чем больший он эгоист, тем больше он обидится. Эго хочет действовать только из подсознания, из-за темного угла. Оно никогда не выходит на свет. Оно может вам сказать, что я самый отъявленный в мире эгоист, просто

потому, что для этого нет никакого повода.

А я говорю вам, что мое это всеобъемлюще. Как это может включать в себя все? Это должно, наоборот, исключать, иначе оно потеряет устойчивость. Это должно сказать: «Вы — это вы, а я — это я, и я выше, чем вы и лучше, чем вы». Это должно настаивать на определенности, разграничении. Когда я говорю, что во мне вы все, мое это настолько огромно, что оно включает все — оно не исключает ровно ничего, даже дьявола — и тогда «вы» исчезает. А когда «вы» исчезает, то как может продолжать существовать «я»?

Но вопрос задал англичанин. Для них это естественно. У англичан плохо с юмором. Он воспринял это серьезно, ведь они — серьезные люди. Он, должно быть, начал думать: «Этот человек сам себе противоречит». А я несерьезный человек. Мне можно и попротиворечить. Говорят, что, когда англичанину рассказывают анекдот, он смеется три раза. Первый раз — когда он выслушивает анекдот — естественно, что он его так и не понимает. Он смеется просто из вежливости, чтобы другой человек не обиделся — что его не поняли, или что его шутка оказалась несмешной. И чтобы не смущать человека, он громко смеется. Затем он смеется во второй раз — ночью, среди ночи, когда анекдот до него доходит. Он говорит: «Понял!» и смеется. И, наконец, он смеется в третий раз — над самим собой: смеяться над анекдотом среди ночи! «Как глупо! И как не по-английски!»

Третий вопрос:

Любопытство и сильной жажда вечного привели меня в ваш лагерь. Может ли любопытство, недоверие помешать человеку стать достойным учеником? Ваш совет мне — немедленно покинуть лагерь — кажется достаточно жестоким.

Первое: любопытство никогда не бывает вместе с сильной жаждой. Любопытство никак не связано с жаждой. Любопытство — что-то детское: человек просто хочет узнать. Это как чесотка — никаких серьезных намерений, вы не готовы за это заплатить. Вы просто любопытствуете. Вам это не очень нужно, ваша жажда не глубока. Вы не собираетесь, узнав это, изменить свою жизнь, свое поведение, свой путь, свое существо. Просто, попутно, вы хотите знать: вы этим не очень сильно интересуетесь.

Многие люди уже приходили ко мне и спрашивали. Один пришел и сказал: «Как вы думаете? Бог есть или его нет?» Чтобы задать такой вопрос, нужен очень глупый человек. Вопрос столь необъятен, столь невыразим. Как можно такое сказать? Даже сказать такое — уже значит опознать; это уже кощунство. Вы можете плакать, вы можете стенать, но вы не можете даже произнести этого. Вопрос столь таинствен, столь свят, что вы будете биться, но не сможете его сформулировать.

Я знаю и других людей. Они приходят и начинают дрожать, и говорят: «Мы не знаем, что спросить». Иногда приходит человек и спрашивает: «Ошо, что я должен спросить!» Это уже совершенно другой человек. Он даже не может сформулировать вопрос — потому что жизнь так обширна и неизмерима. Как выразить ее словами? Стоит только выразить ее в словах, и она покажется по-детски глупой. Вопросы и ответы годятся только для школы, но не для жизни.

Некто приходит и спрашивает: «Есть ли Бог?» И он ожидает услышать ответ: либо да, либо нет. Вас натренировали в ваших школах, колледжах, университетах отвечать. На все, на любой вопрос вас учили отвечать. Вас никогда не учили спрашивать, помните: вас учили отвечать. Ваши экзаменационные билеты просто дают вам несколько вопросов, и вы должны на них ответить. От вас ожидается только Ответ. Важен не вопрос, а ответ — «Есть ли Бог?» — и вы ждете ответа. И естественно, что может быть только два ответа: да или нет. Но разве это будет иметь какой-то смысл, если сказать: «Да, Бог есть»? Решит ли это что-нибудь? Вы уже должны

были слышать этот ответ раньше. Или, если ответ будет: «Нет, Бога нет», разве это как-нибудь поможет? Это ответ вы также уже знаете, оба ответа вам уже знакомы. Так что же вы хотите спросить?

Уж лучше помолчать, уж лучше колебаться. Уж лучше плакать навзрыд. Уж лучше открыть свое сердце. Ваша интенсивность, ваша жажда тогда не будет просто любопытством. Любопытство никогда не бывает рядом с сильной жаждой. И вы говорите: любопытство а сильная жажда вечного привел и меня в ваш лагерь. Я так не думаю. Вас могло привести любопытство. И этот человек задавал дурацкие вопросы; он задал, наверное, сотню вопросов за те десять дней.

Сильная жажда приведет к одному вопросу, который оставит позади все остальные вопросы. Если ваша жажда сильна, тогда все вопросы собираются в один, который означает: «Кто я?» И с этих пор все остальное становится неуместным.

Жаждающий человек не интересуется Богом, его не интересует, есть ли ад и есть ли рай, его не интересуют прошлые жизни, его не интересует теория кармы и перевоплощений. Весь его поиск заключается в одном: «Я не знаю, кто я». Это его первый и последний вопрос: «Я должен это понять. Если я это пойму, тогда все остальное разъяснится само по себе, но если я не знаю себя, то зачем мне интересоваться всем остальным?» Если есть страсть узнать правду, тогда у вас есть только один вопрос: «Кто я?» И среди сотни вопросов, которые задал этот человек, не было ни одного о том, «Кто я?» Этого вопроса он так и не задал. Этот человек просто любопытствовал, он сказал *жажда вечного* — он к тому же и жадный.

Вы еще не знаете, кто вы есть, а уже жаждете вечного. Жадность, это — они жаждут чего-то в этом мире, они же жаждут чего-то и в другом мире. Они хотят денег, больше денег в банке, больший дом, большую машину, а затем они начинают желать рая и Бога. Они все должны взять в свои руки... жадные люди.

Вы должны сначала понять, кто вы есть, и только благодаря этому знанию вам может открыться вечное. Вы не познаете себя через овладение вечным. И вы никогда не овладеете вечным. Вы такие крошечные. Просто подумайте: человек, какой-то маленький человечек, вздумал схватить вечное! Ведь вас даже небольшое повышение температуры может убить. Тридцать шесть и семь десятых градусов — с вами все в порядке. Достаточно шести-семи градусов выше — и вас нет. Вы не можете существовать при температуре выше сорока пяти градусов, а хотите ухватить саму вечность?

Вы не можете жить без дыхания более, чем несколько минут — более восьми минут вам не выдержать — и все еще хотите ухватить вечность?

Тело, которое уже умирает... с самого момента рождения ваше тело умирает. Семьдесят лет — ничто в этой бесконечности, в этой вечности. Человек, который будет жить только семьдесят лет, хочет ухватить вечность? Такая маленькая голова — куда вы вместите всю вечность? Это будет подобно человеку, пытающемуся уместить целое море в одной ложке.

Я слышал о великом философе: это наверняка был Аристотель. Я точно не знаю, но подозреваю, что это так.

Он шел по берегу моря под утренним солнцем и увидел сумасшедшего.

Этот человек выглядел сумасшедшим. Он носил воду из моря в ложке и быстро ее выливал. Он для этого выкопал яму и бегал туда-сюда, к морю и обратно. Аристотель увидел его и сказал: «Что это ты делаешь?» Человек ответил: «Я решил перелить весь океан в эту яму». Аристотель сказал: «Ты что, с ума сошел? Ложкой? И в эту маленькую ямку? И такой необъятный океан?» А сумасшедший рассмеялся и сказал: «А я думал, что это ты сошел с ума. Я слышал, что ты хочешь понять вечную истину. Такой маленькой головой? Так кто же из нас сумасшедший?»

Этот человек, должно быть, был большим мудрецом. Он потряс Аристотеля, так как был

прав. Правда всегда шокирует. Не будьте так жадны до истины, ибо истина приходит только тогда, когда вы не жадны. А когда вы не жадны, вы не такой уж маленький. Жадность делает вас маленькими. Когда исчезает всякая жадность, исчезают границы вокруг вас. Тогда вы уже не маленькая ямка на берегу океана. Тогда, наоборот, океан будет маленькой лужицей на вашем берегу... когда не останется жадности. Правда — это не то, чем вы должны обладать, это нечто, что должно овладеть вами. Вы просто должны ей это позволить.

Но человек слишком умен, а знания никогда не позволят правде войти. Во всех своих ста вопросах он показывал свои знания: все святыя писания, которые он знал; все, что он слышал и все, чем была забита его голова. Может ли любопытство, недоверие помешать человеку стать достойным учеником? Любопытный человек, недоверчивый человек не может стать даже просто учеником. Достойный ученик далек от всего этого, потому что, чтобы стать учеником, вы должны довериться. Чтобы пойти с кем-то в неизвестное, вы должны, по крайней мере, иметь немного доверия. А этому человеку доверие неведомо. Подозревать он умеет, но доверять — нет. Сомнения не позволят вам отправиться во внутреннее путешествие. Сомнения хороши в науке; наука зависит от сомнений. Сомнения полезны в мире науки.

Если вы доверяете, вы ни на шаг не продвинетесь в науке; там вам придется не доверять. Наука — это враждебный подход; она зависит от антагонизма.

Религия, мистицизм совершенно противоположны, диаметрально противоположны науке. Их метод — доверие, а не сомнение. Если вы мне доверяете, вы можете со мной пойти. Другого пути нет.

И спрашивающий сказал: «Ваш совет мне — немедленно покинуть лагерь — кажется достаточно жестоким».

Жестоким? Вы сказали — жестоким? Тогда вы ничего не знаете о Мастерах. Это еще не жестоко! Это очень вежливо... Вы слышали что-нибудь о Мастерах Дзен? Если бы вы задали подобный вопрос Мастеру Дзен, он бы на вас набросился. Он бы вас хорошенько отколотил. Он бы выбросил вас вон из ашрама. Когда-нибудь я тоже это сделаю, подождите. Зачем, вы думаете, здесь Сант, Камал, Гурудаял? Бить будут они. Еще немного осталось подождать, можешь мне поверить: сам увидишь.

Ты сказал: *жестокими* Это не жестокость; это просто сострадание к тебе. Тебе это было нужно, ты это заслужил — потому что знающий человек нуждается во встряске, в электрошоке. Я здесь не для того, чтобы вы накапливали свои знания. Я здесь для того, чтобы помочь вам выбросить все ваши знания. Эта работа подобна пробуждению глубоко спящего. Естественно, что это невежливо. Разве вы сами не видели? — когда ранним утром звенит будильник, напоминающий, что вам пора на динамическую медитацию, и вы хотите сказать: «Черт бы ее побрал!», — и хотели бы выбросить эти часы. Это жестоко.

Мастер и есть такой вот будильник. Мастер должен давать встряску: он должен встряхнуть вас до самых корней, потому что он должен вырвать ваш ум с корнем и пересадить его в совершенно иной мир. Он должен изменить ваш уровень бытия. Это непросто, это тяжелая работа. И это больно. Для этого нужно многим пожертвовать. Только если вы готовы к жертвованию, оставайтесь здесь. Если нет, уйдите — потому что тогда и вы и я напрасно теряем время. Если вы готовы пройти через все эти лишения, что обязательно должно быть; через это жертвование...

Это слово «жертвование» прекрасно. Оно означает: сделать что-то святым, сделать что-то священным. Если вы готовы перенести мои встряски с глубоким доверием, с любовью, они станут священными. Тогда и моя жестокость уже не будет выглядеть как жестокость, она будет выглядеть как сострадание. Вы почувствуете, что я так сказал, потому что я вас так люблю. Иначе зачем мне все это?

Четвертый вопрос:

Вы, Будда, Иисус и прочие — все мужчины. Вы сказали, что женщины ближе к состоянию не-ума. Почему же вы избрали на этот раз тело мужчины? Почему нет Мастеров-женщин?

Это вопрос от Дева Чандан — естественно, женщины, сторонницы движения за свободу женщин. Это очень важный вопрос, и его нужно рассмотреть.

Такого никогда не было в прошлом — чтобы женщина была Великим Мастером — и этого не будет в будущем. Причина в том, что женский ум, по самой своей природе, неагрессивен. А чтобы быть Мастером, человек должен быть агрессивен. Я не имею в виду мужской шовинизм. Эта агрессивность никак не связана с нашим огрубевшим мужеподобным обществом. Твой вопрос подобен следующему: «Почему мужчина всегда отец, а не мать?» С этим ничего не поделаешь — это естественно. Было только одно исключение: позволь мне рассказать один анекдот.

Священник лег в больницу на операцию для выяснения причины постоянных болей в области живота. В больнице в то же самое время одна незамужняя девушка родила мальчика, которого, как она объяснила доктору, она не желала забирать.

Не долго думая, врач подошел к постели священника после того, как тот проснулся после операции, и сказал ему, что случилось чудо: Бог дал ему сына. Священник, оправившись от шока, взял малыша в руки и молитвенно склонил голову, благодаря Бога за чудо.

Что еще ему оставалось делать?

Прошло много лет. Священник и мальчик жили вместе, как отец и сын. Пришло, наконец, время для мальчика оставить дом и поступать в колледж. В ночь перед его отъездом священник подошел к нему и глухо сказал: «Мой сын, я должен признаться тебе в одной неприятной вещи». Мальчик озадаченно на него посмотрел, и священник продолжал: «Я всегда заставлял тебя верить, что я твой отец. Так знай, сын мой: это неправда. Я — твоя мать. Твой отец — епископ».

Только человек с мужским типом ума может быть Мастером. Быть Мастером означает быть агрессивным. Женщина не может быть агрессивной. Женщина восприимчива по самой своей природе. Женщина — это матка, и поэтому она может стать лучшим учеником. Мужчине очень трудно стать учеником, а для женщины это очень легко.

Общение между Мастером и учеником — это общение между мужчиной и женщиной. Вы, может быть, и не рассматривали это с такой точки зрения, но попробуйте. Ученик восприимчив, ученик-это матка. Вот почему очень трудно для мужчин стать учениками — некоторое нежелание, некоторое сопротивление, борьба, это продолжает упираться. Для мужчины очень трудно стать учеником. Величайшие ученики всегда были женственными: Мария Магдалина была величайшим учеником Иисуса. Но она не могла стать его апостолом, она не могла стать Мастером. Да, вокруг Будды тоже были прекрасные, замечательные женщины. Вокруг Махавиры тоже: у Махавиры было сорок тысяч саньясинов, среди них тридцать тысяч женщин и десять тысяч мужчин. Эта пропорция всегда такова. Из приходящих четырех учеников три — женщины, а четвертый — мужчина. И этот мужчина не очень-то открыт: Он мог прийти из-за женщин, а не из-за Мастера. Всегда есть такая возможность.

Но великие Мастера всегда были мужчины. Это может показаться парадоксальным, но так уж оно есть — потому что Мастеру приходится использовать тысячу и один способ, чтобы над вами работать. Мастер должен на вас воздействовать — чтобы вам помочь, чтобы повести вас за руку, чтобы вас защитить, чтобы вас встряхнуть, чтобы заманить вас в неизвестное, чтобы толкнуть вас. Он должен делать для вас тысячу и одну вещь, которые не назовешь мягкими — вот почему. Это никак не связано с противоборством мужского и женского. Это никак не

связано с грубостью общества. Даже в будущем, когда равенство будет окончательно установлено, мужчина будет отцом, а женщина — матерью. Чудес не бывает.

Пятый вопрос:

Все в полном порядке, но, с другой стороны, Третья мировая война уже начинается. Вы сказали: «Не пытайтесь изменить мир», но, стоит лишь выйти за ворота ашрама, как видишь нищих детей, почти умирающих от голода. Что же делать?

Все в полной порядке, но, с другой стороны, Третья мировая война уже начинается, — и с ней все будет в полном порядке. Она все уничтожит. Она будет последней войной — совершенной, наиболее совершенной. Возникает вопрос: начинается мировая война, а вы что делаете? Медитируете? Вы должны отправиться в мир и предотвратить мировую войну. Вы сможете это сделать? Возможно ли ее остановить? Возможно ли что-либо для этого сделать? Вы только напрасно потратите время. У вас же очень короткая жизнь. Эти несколько мгновений очень ценны — и они никогда не были столь ценны раньше, потому что надвигается Третья мировая война. Раньше у вас всегда было много времени. А теперь, кажется, в любой момент его уже не останется. Это может произойти завтра утром. Начать может любой сумасшедший.

Ричард Никсон во время беспорядков после Ватергейта хотел развязать Третью мировую войну. В его власти было ее начать, и, естественно, он очень переживал и мучился. И я должен сказать одну вещь, за которую я очень его уважаю: он поборол искушение. Было очень легко начать войну, и он стал бы тогда последним президентом Америки... дорогой ценой... и на нем закончилась бы вся история. Он бы стал самым знаменитым историческим лицом. Естественно, что некому уже было бы писать историю, но это уже другая вещь. И это было бы лучше, по крайней мере, для него: не оказаться в таком позоре. Он остался верен себе. Такой вот подвиг совершил этот человек: он преодолел искушение, что было непросто. Он мог просто начать сбрасывать атомные бомбы на Москву. За пятнадцать минут — всего за пятнадцать минут — все живое на Земле бы умерло.

У нас есть средства, чтобы убить все живое на земле семь раз. У нас есть все возможности к такому свехубийству. Каждый человек на земле может быть убит семь раз — так много атомных и водородных бомб, готовых, нацеленных, ожидающих своего часа. В любой момент любой политик может сойти с ума — а политики — уже сумасшедшие. Они не совсем нормальные, иначе почему они политики?» Вы сидите на вулкане. Никогда еще не было такой опасной обстановки. И вы думаете: «Что я здесь делаю? Медитирую?» А что еще вы можете сделать?

Пока все это продолжается, медитируйте. Если вулкан прорвется и вы умрете, медитируя, вы узнаете вкус бессмертия. И если много людей решат медитировать, Третья мировая война может никогда не начаться: столетиями люди замечали, что, если в деревне, где живет сто человек, один начнет медитировать, то изменится качество сознания у всей деревни. Достаточно лишь одного процента — потому что этот один человек общается с сотней других людей в деревне, в маленькой деревне. Он со всеми связан: кто-то дядя, кто-то — брат, а кто-то — родственник жены. Он связан, он в переплетении. В нем начинает вибрировать другая энергия, медитативная энергия. Качество сознания деревни полностью меняется из-за единственного медитирующего человека. Если даже один процент человечества начнет медитировать, появится возможность избежать третьей мировой войны. И другой возможности нет.

Почему, во-первых, люди так агрессивны, что им приходится драться снова и снова? За три тысячи лет было пятнадцать тысяч войн — пять войн в год. Все человечество, кажется,

ненормальное: мы ничем не занимались, кроме войн. А теперь, после этих трех тысяч лет войн, наступает развязка — окончательная война, всеобщая война. Вы бы хотели пойти в мир и убедить политиков, либо организовать марш протеста к Вашингтону или к Москве. Это не поможет. Потому что разве вы не видели? — люди, собравшиеся на марш протеста — очень агрессивные люди. Разве вы не видели сами? Их выкрики, их лозунги? Они все — агрессивные, жаждущие насилия люди. Они, может быть, за мир, но сами готовы сражаться за него. Сражаться против войны. Что же вы делаете? Вы начинаете кричать, выкрикивать лозунги — и сами же будете ими побиты, вы сами начнете воевать.

Это именно то, чем всегда занимались политики. И Москва, и Вашингтон против войны. Коммунисты говорят: «Мы должны быть готовы к войне, чтобы сохранить мир на Земле». И капиталисты говорят то же самое. Что капиталисты, что коммунисты, что фашисты — безразлично, они все готовятся к войне, и все они говорят, что готовятся отстоять мир. Вы тоже пойдете на марш протеста, и вы будете насильственны.

Может быть только один возможный марш протеста: медитируйте, сидите в тишине, создавайте медитативную энергию.

Однажды в этом Ашраме был конкурс-испытание, в котором требовалось объяснить, что такое медитативный человек. И естественно, Как и следовало ожидать, первым выступил Мулла Насреддин. Его объяснение было действительно замечательным. Мулла Насреддин объяснил, в чем разница между медитирующим человеком и не медитирующим. Он сказал: «Немедитативный человек — это тот, который, прыгнув с небоскреба, летит, разбивается вдребезги, и с ним все кончено. А медитативный человек летит и, прищелкивая пальцами, говорит: «Пока все хорошо».

Если это произойдет — а это произойдет, — щелкайте пальцами и говорите: «Пока все хорошо». Ведь вы все еще живы. Третья мировая война еще не началась, не лишайте себя этой возможности потанцевать. И я уверен, что, танцуя, вы вызовете в людях отголосок. Медитируйте: через свою медитацию вы высвободите в мир новую форму энергии.

Если бы вы могли обратить хотя бы одного человека во всем мире, чтобы он тоже стал сумасшедшим в оранжевом, чтобы он танцевал, пел, медитировал, чтобы забыл всякую политику... Те, что идут с маршем протеста, политики.

А главной проблемой является именно политика. Нам нужны неполитичные люди. Я никогда в жизни не голосовал, и люди приходили ко мне и говорили: «Но ты бы мог проголосовать за какого-либо человека, который тебе; нравится». Я отвечал: «За кого бы я ни голосовал, это будут политики. Я не, могу голосовать. Я не соучастник. Они все одинаковы, только имена разные».

Пацифисты тоже политики. Я бы хотел, чтобы благодаря вам хоть немного людей стали неполитичными. Неполитичный — вот что я имею в виду, говоря: религиозный человек — человек, который говорит: Хорошо. Если уж это должно произойти, пусть происходит. Зачем я буду тратить свое время? Я буду медитировать, я буду наслаждаться, я буду радоваться. Пока есть время, я буду танцевать. Если это должно случиться, оно случится, но почему я должен упускать свой танец? Время не ждет. Если вы начнете танцевать, если вы начнете любить, если вы станете дружелюбными, если вы начнете наслаждаться жизнью, вы создадите энергию, которая принесет мир — даже совершенно не думая о мире. Поэтому я никогда не говорю о мире, я говорю о любви. А мир следует за энергией любви, как тень.

Я знаю, что вокруг бедность, везде нищие, но что вы можете сделать? Что бы вы ни делали, это не поможет. Уже на протяжении столетий люди давали подаяния другим, давали пищу, деньги, одежду. Было много всякой филантропии, но так ничего и не изменилось. Затем они

создали коммунистические страны, когда увидели, что религия бессильна. В действительности, религии никогда и не пытались, но со стороны кажется, что религия оказалась бессильной, потому что те люди, которые давали подаяния и делали другие подобные вещи, считали себя религиозными людьми. Они не религиозные люди. Они виноватые люди. Они чувствовали себя виноватыми. Когда человек накапливает слишком много денег, он начинает испытывать чувство вины. И теперь приходится что-то делать, чтобы снять с себя эту тяжесть, он идет и дает подаяние. Это он делает просто затем, чтобы успокоить свою совесть.

Однажды случилось следующее. Эндрю Карнеги давал деньги многим библиотекам, многим колледжам, многим университетам, медицинским и тысяче прочих заведений. Когда он умирал — а он был одним из королей резины, — он спросил у своего секретаря: «Какую сумму я раздал за всю мою жизнь?» Он был уже при смерти, но хотел знать: на какую сумму он раздал подаяний? Он раздал миллионы долларов. Секретарь побежал к казначею и спросил. Это был огромный список. Карнеги выслушал. Общая сумма составляла миллионы и миллионы долларов. Он был удивлен. Он открыл глаза, он вдруг ожил и сказал: «Но откуда, я удивляюсь, я мог взять столько денег? Откуда? Неужели я столько отдал? Но откуда я взял все эти деньги?»

Вы берете их у тех же людей, которым даете подаяния. Вы берете из одного кармана и кладете в другой, и естественно, что вы отдаете не все, не полную сумму. Вы отдаете только часть. Это трюк. И это никогда не помогало.

Если вы хотите, чтобы мир был без бедности, нужно добиться того, чтобы исчезла жадность. Нет, подаяния не помогут; они никогда не помогали. Жадность должна исчезнуть, отчуждение должно исчезнуть. Вот чему я пытаюсь вас научить: если вы полюбите жизнь, вы никогда не станете скрягой. Жизнь так прекрасна; зачем беспокоиться о завтрашнем дне? Вот почему я повторяю снова и снова: живите от момента к моменту, и тогда не будет нищих. Но вы живете в будущем — тогда обязательно появятся нищие. Вы копите на будущее, и тогда естественно, что это не будет доступно всем, кто живет в данный момент.

Земля имеет достаточно всего для людей, которые на ней живут. И если никто не будет копить на будущее, прятать на будущее, думать о будущем, то все станут счастливыми и всем всего хватит. Но вы думаете о будущем. В данный момент вы не счастливы; вы думаете: «Завтра я буду счастлив». Таким образом вы жертвуете своим настоящим и одновременно вы жертвуете настоящим кого-то еще, чтобы оставить на будущее. Нищий на улице — это не проблема, нищий на улице — это просто симптом; проблема — это ваша жадность. Вы, конечно, можете подать что-то нищему; я не говорю: «Не давайте». Это вас успокоит: вы сделали что-то, вы подали нищему. А нищий в одной лодке с вами: он тоже что-то утаивает. Он может быть не таким уж нищим, как кажется; я знаю нищих, у которых есть счет в банке. Может быть, это просто его профессия, которая требует от него быть нищим. Он должен показать, что он умирает, потому что вы стали такими жесткими; пока вы не увидите, что кто-то умирает, вы не растаете. Он должен сидеть, дрожа от холода. Он может позволить себе иметь одеяло, у него достаточно денег; но он не позволяет себе этого — потому что, если у него будет одеяло, вы не станете его жалеть, вы не будете чувствовать себя виноватыми. Его дрожь даст встряску и вам. Он должен притворяться.

Я знал одного студента. Он учился у меня в университете. Я поинтересовался у него: «Где ты живешь?» Он ответил: «Лучше не спрашивайте». Я настаивал, и тогда он сказал: «Я никогда еще никому этого не говорил, потому что мой отец просил меня никому не говорить. Я скажу вам, но, пожалуйста, никому не говорите». Я спросил: «Так в чем же дело?» Он сказал: «Мой отец — нищий. Вы, наверное, его видели, он попрошайничает у железнодорожного вокзала». Я

спросил: «Он твой отец?» — Он мой отец. И у него достаточно много денег. Но я не могу этого никому говорить, иначе его престиж нищего упадет». И этот парень жил всегда, как богатый. А того нищего я знал, потому что постоянно путешествовал, и почти каждый день бывал на той станции. И я был одним из тех, кого он обманывал; он всегда что-то у меня выпрашивал. Приезжал ли я или уезжал, я должен был ему что-нибудь дать. Иначе он от меня не отставал. Я сказал: «Хорошо, на днях я посмотрю».

Вскоре я пришел туда, и он подбежал: «Я умираю, а моя жена больна и лежит в больнице». Я сказал: «А как насчет твоего сына?» Он удивился: «Какого сына?» Я сказал: «Он мой студент». Он ответил: «Господин, пожалуйста, не говорите этого никому, я вас никогда больше не буду беспокоить». Если вы хотите помочь, помогайте. Но помните, что это совершенно меня не касается. Это ваше дело, и, пожалуйста, не пытайтесь перекладывать ваши дела на меня. Если вы хотите помогать нищим, помогайте. Помогайте, насколько можете. Когда вы сами станете нищими, другие будут помогать. Так всегда и было — из-за того, что раздача подаяний не помогла нищим, возник коммунизм, и коммунизм тоже не помог. Он никого не сделал богаче. Он просто сделал богатых бедными. Бедные остались бедными, только богатые исчезли. Теперь все равны.

Вот почему русские не позволяют своим гражданам поехать и посмотреть Америку. Это опасно, потому что американские бедные гораздо богаче, чем русские богатые. Это опасно. В России богатые исчезли: все стали бедными. Равенство стало возможным потому, что все бедны. Богатых нет, это правда, но бедность осталась, жадность осталась. Теперь правительство стало жадным, теперь правительство готовится к будущему: семьдесят процентов их бюджета идет на вооружение. Страна остается голодающей! У людей нет обуви, у людей нет одежды, — но семьдесят процентов бюджета продолжает идти на вооружение, на будущее, на возможную Третью мировую войну. И это коммунизм.

Коммунизм потерпел крах, больший, чем старая система дотаций потому что он создал новый класс. Богатых уже нет, а вместо них есть бюрократы. Буржуазия исчезла, но вместо нее возникла бюрократия. Теперь нет богатых, на их месте члены коммунистической партии — теперь они стали элитой. И то же самое угнетение продолжается, только оно стало еще более сильным. Никогда еще на земле не было такого рабства, как в России или в Китае.

Так что же делать? — спрашиваете вы. Я предлагаю следующее: не думайте, что вы можете остановить Третью мировую войну, не думайте, что вы можете ликвидировать бедность. Вы можете изменить только себя. Избавьтесь от своей жадности, перестаньте планировать будущее, избавьтесь от своего ума, станьте более открытыми для любви, станьте более сердечными и живите от сердца. И если много людей начнет жить именно так, то это будет единственный путь изменить мир. Душа есть только в индивидуальностях; только индивидуальности могут быть изменены.

Если вы предпочтете быть прижимистыми, жадными, насильственными, подавленными — общество таким и останется. И вы можете продолжать давать деньги нищим, а они так и останутся нищими, потому что деньги никогда ничего не меняют. Я видел миллионеров, которые оставались нищими — такими несчастными, что им было все равно, сколько они имеют.

Я слышал...

Два еврея-иммигранта проезжали мимо дома Джона Д. Рокфеллера. «Если бы у меня были его миллионы, — заметил один из них, — я был бы богаче его».

«Ты говоришь ерунду, — сказал второй, — если бы у тебя были миллионы Рокфеллера, ты был бы так же богат, как и он, ничуть не богаче».

«Ты не прав, — заверил его первый, — не забывай, что в свободное время я еще могу

давать уроки иврита».

Нищий остается нищим: он будет продолжать давать уроки иврита, даже если будет иметь все деньги Джона Д. Рокфеллера.

Люди не меняются. Деньги ничего не меняют. Вот если вы изменитесь, то это совсем другое дело. Я не говорю: не проявляйте сострадания; я за то, чтобы вы имели сострадание, но только не думайте, что через ваше сострадание мир изменится. Можете и не надеяться. Давайте то, что можете дать; делитесь всем, чем можете поделиться, но делитесь только из любви. Не будьте политиками, пытающимися изменить мир, иначе вы будете разочарованы. Забудьте об этом. Делайте то, что считаете нужным делать. Если вы встретили нищего и вы чувствуете к нему что-то, делайте то, что вы считаете нужным сделать. Я не призываю ничего не делать. Я просто говорю: не надейтесь, что вы измените мир. Ничего вы этим не измените.

Единственный путь изменить мир — это изменить уровень сознания, а это вы можете сделать только в себе. Это не может быть сделано кем-то еще. Да, конечно, если вы измените свой уровень сознания, это создаст вибрации, которые изменят людей, которые будут изменять людей даже без их ведома.

Миру нужна другая атмосфера — не другое общество, а другая атмосфера. Необходима новая духовная вибрация. Вот почему мне не нужны пропагандисты: я не хочу, чтобы вы стали пропагандистам, миссионерами и им подобными. Я хочу, чтобы вы интересовались только собой.

Сначала попытайтесь понять, кто вы есть: это первый принцип любви к себе. Затем попытайтесь полюбить: это второй принцип любви к себе. Любите себя, чтобы вы смогли полюбить других. И третий принцип любви к себе: живите каждый момент радостно, празднуя — и тогда в вас начнет что-то происходить. Вы станете пусковой кнопкой; мировой процесс начнется.

Когда появляется будда, всегда начинается мировой процесс. Станьте буддами, пробужденными. Это все, что вы можете сделать.

Последний вопрос. Он от Свами Йога Чинмайя:

Извините меня, но, пока Кабир поет свои песни о пути любви, я задам личный вопрос. Я не могу воспротивиться искушению, так... когда у вас была последняя подруга и последняя любовная связь?

А сам он исчез: я его здесь не вижу. Когда он задает вопросы, он всегда прячется. Лишь недавно он сидел в первом ряду, а сейчас исчез. Вы все — мои подружки, включая мужчин.

Но этот ответ его не удовлетворит; ему нужно что-нибудь эзотерическое. Итак, специально для него, никто больше не должен этого слышать, заткните свои уши. Это только для Свами Йога Чинмайя, потому что эзотерические вещи должны оставаться в тайне.

У меня была девушка, когда я был молодым. Но она умерла. Перед смертью она пообещала мне, что вернется. Я боялся. Но она вернулась. Имя той девушки было Шаши. Она умерла в сорок седьмом году. Она была дочерью одного доктора, которого звали Шарма, жившего в моей деревне. Он тоже уже умер. А теперь она пришла как Вивек... чтобы обо мне заботиться. Вивек этого не помнит. Я называл тогда Шаши именем Гудийя, и Вивек я тоже начал называть Гудийя, чтобы все продолжалось.

Жизнь — это великая драма, великая постановка, которая продолжается от одной жизни к другой и так далее.

Это было специально для Чинмайи. Я надеюсь, что больше никто не слышал.

И последний вопрос:

Я слышала, Ошо, что, когда вы идете, ваши стопы не касаются земли. Могли бы вы что-нибудь об этом сказать?

Это правда. Когда я хожу, мои стопы не касаются земли — но в этом нет ничего чудесного. Они не касаются земли, потому что я всегда хожу в обуви.

Если это тебя не удовлетворило — ведь ты бы хотела, чтобы твой Мастер был великим чудотворцем, — тогда, чтобы тебя удовлетворить, я скажу, что эти тапочки — мое осознание, и если ты будешь ходить в тапочках осознания, твои стопы тоже не будут касаться земли. Это очень просто, это не чудо.

И ты спрашиваешь: Могли бы вы что-нибудь об этом сказать? Это уже опасно. Время вышло. Мне нечего об этом сказать, но, если бы у меня было, что сказать, то это потребовало бы девяносто минут... а время уже вышло... и мой мочевой пузырь переполнен... и я хотел бы пойти в туалет. Извини меня.

[Читать полный вариант книги](#)